

УДК 94(571.1/.5).084.8:33

ББК 63.3(253)622-2

Аграрная экономика Сибири и чрезвычайное законодательство в годы Великой Отечественной войны

С.А. Папков

Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия)

Agrarian Economy of Siberia and Emergency Legislation during the Great Patriotic War

S.A. Papkov

Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russia)

В статье рассматриваются особенности развития сельского хозяйства и роли крестьянского труда в условиях Великой Отечественной войны. Дается оценка основных потерь трудовых ресурсов и материальной базы региона. Описана роль чрезвычайных законов в сфере труда и последствия их применения. Особое внимание уделено анализу правительственного указа о минимуме колхозных трудовых и масштабах применения уголовной ответственности за его неисполнение. Выявлено также значение использования статьи 61 УК РСФСР о невыполнении государственных повинностей. Затронута проблема массового голода в годы войны как следствия разрушения основ аграрной экономики. Отмечается, что голод в сельской местности Сибири получил распространение еще накануне войны, но наиболее широко затронул население деревни в 1943–1944 гг. В научный оборот вводится ряд новых исторических фактов и статистических данных, характеризующих положение сельского хозяйства и крестьянства в Сибири в военное время. Содержится вывод о том, что меры судебной угрозы не играли решающей роли в годы войны, а мотивация к труду определялась в основном личной ответственностью тружеников села.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая Мировая война, сельское хозяйство, животноводство, Сибирь, ресурсы, крестьянство, чрезвычайные законы о труде.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)5-05

Эпоха Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. занимает значительное место в исследовании истории советской экономики. В потоке издаваемых научных работ большое число публикаций посвящено также проблемам развития аграрной отрасли,

The article deals with the peculiarities of agricultural development in Siberia during the war. An assessment of the main losses of labor resources and material base of the region is given. The role of emergency laws in the field of labor and the consequences of their application are described. Particular attention is paid to the analysis of the government decree on the minimum of collective farm labor and the scope of application of criminal liability for its non-compliance. The significance of the use of Article 61 of the Criminal Code of the RSFSR about the failure to fulfill the state burdens is also revealed. The problem of mass starvation during the war years as a consequence of the destruction of the foundations of the agrarian economy is touched upon. It is noted that the famine in the rural areas of Siberia had already spread on the eve of the war, but most widely affected the population of the village in 1943–1944. A number of new historical facts and statistical data characterizing the situation of agriculture and the peasantry in Siberia during the war are introduced into scientific circulation. Concludes that measures of judicial threat did not play a decisive role during the war, and that motivation to work was determined by personal and collective responsibility of rural toilers.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, agriculture, livestock, Siberia, resources, peasantry, emergency laws.

игравшей основную роль в формировании ресурсно-сырьевой и продовольственной базы сражающейся страны. Авторы статей и монографий анализировали специфику развития сельскохозяйственного комплекса и его отдельных отраслей в условиях вой-

ны, описывали положение сельских тружеников и специалистов, выясняли последствия естественных трудностей и чрезвычайных мер [1–11]. Какие факторы определяли развитие отрасли в годы войны? Насколько глубоки были экономические и социальные потери и каким образом трудности военного времени преодолевались в сельском хозяйстве? Эти и другие аспекты продолжают привлекать исследователей социально-экономической истории страны, открывая возможность расширять границы ранее полученных знаний.

В публикуемой статье на базе новых источников ставится задача описать проблемы развития сельского хозяйства Сибири в военной обстановке, показать роль и значение особых законов о труде и чрезвычайных мер, направленных на поддержание определенного уровня сельхозпроизводства на фоне общих усилий по укреплению советского тыла.

Отечественная война, в которую вступил СССР в июне 1941 г., радикально изменила все ранее сложившиеся экономические условия и отраслевые пропорции в стране, поставив перед системой управления целый комплекс сложнейших задач. Главное, что необходимо было сделать в области аграрного производства, — адаптировать отрасль к чрезвычайной обстановке, вызванной беспрецедентным сокращением рабочих рук и кадров специалистов, мобилизованных на фронт или неотложные работы на крупных промышленных предприятиях оборонного и топливно-сырьевого комплекса.

Несмотря на то, что сельхозпроизводство служило важнейшей базой снабжения страны продовольствием и сырьем, аграрные регионы стали одним из основных кадровых ресурсов для массовых мобилизаций людского потенциала в стране. И если в промышленности во время войны сохранялось бронирование квалифицированных кадров, то в сельском хозяйстве этой меры не существовало: от мобилизаций и разного рода призывов освобождалась лишь часть управленцев районного звена.

Сельскохозяйственные районы Сибири также испытали значительную утрату главных трудовых ресурсов. Особенно драматическая картина наблюдалась в Алтайском крае — основной зоне развитой аграрной экономики Сибири, где накануне войны насчитывалось 469,4 тыс. жителей мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет. За первые два года войны (июнь 1941 — июнь 1943 г.) из этого региона было мобилизовано в Красную армию, а также по трудовым мобилизациям и призывам на промышленные предприятия — 560 182 человека, главным образом мужчин [12, л. 22]. Иначе говоря, за непродолжительное время в Алтайском крае произошел значительный демографический кризис, означавший также внезапное катастрофическое понижение качества трудовых ресурсов, возмещать которое при-

шло за счет наименее трудоспособных категорий населения — женщин-домохозяек, пожилых людей и подростков. Аналогичное положение наблюдалось и в других регионах Сибири. Проблема усугублялась также изъятием из сельской местности значительной доли тягловой силы — тракторов, автомобилей, лошадей.

Последствия огромного сокращения рабочих рук, квалифицированного персонала и технического оснащения труда немедленно проявились с самых различных сторон, прежде всего — в животноводстве — одной из наиболее сложных и трудозатратных сфер сельской экономики. В этой отрасли резко упали объемы заготовки и хранения кормов, снижались качество ухода за скотом, нормы ветеринарного обслуживания и лечения животных. Наиболее трудно протекали зимние месяцы содержания, требовавшие повышенного внимания животноводов и ветеринарного персонала в период появления приплода. Массовая гибель животных стала неизбежным итогом. Только за 1941 г. в Алтайском крае пало более одного миллиона голов скота. Анализируя данную ситуацию, Алтайский крайком ВКП(б) пытался найти объяснение в привычном для того времени аппаратном стиле: «Причинами такого огромного падежа, — сообщал крайком, — является необеспеченность скота кормами, засоренность животноводческих кадров враждебными элементами, неудовлетворительным уходом за скотом и невниманием к этому вопросу со стороны местных партийных и советских организаций» [13, л. 78].

Понятно, что «засоренность кадров» была лишь дежурной фразой и традиционным указанием на тех, кого можно было привлечь к ответу, но проблему все равно нужно было как-то решать. Постепенно сталинское руководство стало наращивать в деревне применение тех мер, которые оно активно применяло и раньше, с момента создания колхозного строя. Эти меры заключались в усилении административного и уголовно-правового нажима на сельских управленцев, главным образом — на председателей колхозов и сельских советов, на которых лежала основная ответственность за выполнение населением деревни всех трудовых и фискальных повинностей. Фигура председателя колхоза стала одной из первых коллективных жертв на трудовом фронте Отечественной войны. Для обвинений колхозных управленцев имелось множество причин: «саботаж хлебозаготовок» или «проявление антигосударственных действий», «потеря урожая», «падеж скота», «затягивание хлебоуборки». В каждую сельхозкампанию происходило массовое смещение председателей с постов, а десятки из них привлекались к уголовному суду. Только с 1942 г. наступило ясное понимание, что подобные меры не могут идти на пользу, поэтому практика уголовного преследования стала снижать-

ся, но полностью не исчезла. Вот какая динамика наблюдалась, например, в Новосибирской области: за 1939 г. здесь было привлечено к уголовной ответственности 217 председателей, в 1940 — 379, в 1942 — 439, в 1943 — 257 [14, л. 296]. В июле 1942 г. на заседании Новосибирского обкома ВКП(б) один из работников партаппарата говорил: «Привлекали председателей колхозов к уголовной ответственности не жалеючи... По Пихтовскому району было осуждено 14% всех председателей, по Чановскому району — 13%, по Куйбышевскому — 10%. (...) 80% председателей колхозов были осуждены за то, что оказались неспособными руководить колхозом, не обеспечили выполнение тех или иных хозяйственно-политических задач. Спрашивается, если человек по своим способностям не годен к тому, чтобы быть у руководства колхозом, можно ли его привлечь к уголовной ответственности?» [15, л. 38–41].

При выполнении напряженных колхозных заданий такой же нажим оказывался и на председателей сельсоветов. Эта категория сельских начальников в равной степени должна была отвечать за проведение сева и уборки урожая, сохранение стада и сдачу продукции государству. Любые попытки смягчить или обойти требования властей в этой сфере приводили к отстранению от должности или к судебному приговору. В Новосибирской области только по данным за осень 1944 г. (период уборки урожая и хлебосдачи) было привлечено к уголовной ответственности 76 председателей сельсоветов, в 1945 г. — еще 6. Но обще годовые показатели были значительно выше [16, л. 464].

Однако по мере нарастания трудностей на фронтах и в тылу меры в отношении одних лишь сельских управленцев перестали удовлетворять правящий режим. С весны 1942 г. началась полоса ужесточения трудового законодательства для всех жителей села. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. была повышена годовая норма трудодней и введена уголовная ответственность за ее невыполнение — исправительно-трудовые работы (ИТР) в колхозе на срок до 6 месяцев с удержанием до 25 % оплаты в пользу колхоза. В качестве дополнительной меры устанавливалось также, что лица, не работавшие минимумом трудодней, теряют права колхозника и лишаются приусадебного участка [17, с. 29–6297]. Подобные меры уголовной ответственности (6 месяцев ИТР с удержанием 25% заработка) предусматривал и другой закон — постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей».

Практика использования закона о минимуме трудодней довольно подробно описана в современной научной литературе. Поэтому отметим лишь

три главные его особенности. Во-первых, осуждение колхозников по «закону о трудоднях» происходило в форме кампаний, часто в виде показательных процессов, весной, осенью и в конце года, когда завершался цикл уборочных или посевных работ. Во-вторых, основными жертвами его применения (70–90%) были сельские женщины, имевшие множество различных, в том числе уважительных причин не выполнять полный объем колхозной работы. И, наконец, беспрецедентной являлась сама природа данного закона: это был первый и единственный в советской истории случай соединения трудовой нормы для гражданских лиц с уголовной ответственностью. Система права в этой сфере непосредственно вторглась в трудовые отношения, превратив труд жителей села в меру уголовной ответственности.

Стоит отметить, однако, что данный закон-постановление не получил такого широкого применения, как аналогичные меры в промышленности, так как невозможно было массово осудить тех, кто едва справлялся с повышенными нормами на фермах и в полях в силу возраста или семейных обстоятельств (подростки, старики и многодетные матери). Поэтому его значение для села имело в основном характер правовой угрозы, но не экономического инструмента. Наиболее интенсивно закон о трудоднях применялся в течение первого года после введения, а затем его роль несколько снизилась. В целом же по «закону о трудоднях» только за лето 1942 г. в различных областях и краях Сибири были осуждены от 2,7 тысяч человек (Красноярский край) до 5,9 тысяч (Омская область) [18, л. 56]. Такие же нормы осуждения колхозников сохранялись в течение всего периода войны. (По всему СССР за все годы Отечественной войны за невыполненные трудодни осудили 679,3 тысяч колхозников [19, с. 422–423]).

Еще одной законодательной мерой для колхозников в военный период служила статья УК РСФСР (ст. 61) (и соответствующие ей статьи других республик) об отказе выполнения государственных повинностей. В период создания колхозов она широко применялась как «кулацкая статья» против одиночных крестьян, не желавших войти в колхозы. Но в 1941–1942 гг. она вновь получила расширенное применение в качестве способа мобилизации на селе. Однако уже в 1943–1945 гг. ее значение резко снизилось до незначительной величины. Всего за военное время по ней по всей стране было осуждено около 60 тысяч человек [19, с. 422].

К 1944 г. советское сельское хозяйство неизбежно пришло в состояние деградации. В то время, как в зерновом производстве еще удавалось поддерживать относительно стабильный уровень, сфера животноводства переживала глубокий кризис. Сибирь не была исключением. В феврале 1944 г. секретарь

Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин докладывал в ЦК ВКП(б) о причинах критического положения в животноводстве руководимой им области. Он назвал несколько факторов серьезного снижения поголовья скота и неспособности региона выполнить правительственные задания по поставкам мяса и молока. Одна из них состояла в том, что «обком и облисполком допустили огромную сдачу скота из колхозов для покрытия недоимок за другие виды поставок и за семена. Так, в 1940 году было сдано скота (в переводе на среднюю голову КРС) 84 500 голов, в 1941 — 19 200, в 1942 — 17 400 и в 1943 — 43 500 голов». Кулагин сообщал также, что планы сдачи продукции постоянно возрастали, поэтому колхозы вынуждены были сдать значительное количество скота в молодом возрасте, понеся из-за этого большие потери в среднем весе. «Переобложение» — ключевое слово, которое использовал Кулагин, оценивая сложившуюся ситуацию. Переобложение прежде всего многоземельных колхозов (так как план поставок был основан на размерах используемых ими земель) «повлекло систематическое невыполнение планов по сдаче мяса, молока и прочих продуктов и накоплению больших недоимок, что поставило колхозы в весьма тяжелое положение» [20, л. 14–20].

Оборотной стороной кризиса в сельском хозяйстве стал массовый голод в деревне. Конечно, это явление в Сибири, как и других регионах СССР, не было чем-то необычным. Начиная с периода революции 1917 г., а затем последовавшей коллективизации, оно являлось постоянным атрибутом жизни миллионов российских граждан. Очередная фаза голода отмечалась также и в предвоенный период. В апреле 1941 г., например, милиция Барабинского района докладывала, что «на базе бескормицы зимой 1939 года в колхозах и совхозах района погибло свыше 13 тыс. голов скота. (...) Масса трупов павших животных валяются по дорогам. Ввиду неурожая 1940 года в ряде колхозов нет продуктов питания... отдельные колхозники употребляют в пищу мясо павших животных...» [21, л. 134, 141].

Но голод 1943–1944 гг. в сельских районах Сибири, очевидно, превосходил довоенный уровень. Данные о его масштабах получало также и высшее руководство страны. В июле 1944 г. нарком внут-

ренних дел Л.П. Берия сообщал Сталину, Молотову и Маленкову о фактах, полученных из Алтайского края: «Вследствие значительного недорода сельхозпродуктов в 1943 году население ряда районов, и особенно Кулундинской степи, испытывает серьезные продовольственные затруднения. Отмечаются случаи употребления в пищу падали, кошек и собак, а также дикорастущих трав и корней. (...) Зарегистрировано значительное количество смертных случаев от истощения. В Карасукском районе с начала 1944 года умерло от истощения 73 человека. В колхозах «Сибиряк», им. Микояна, и «Просвет» Андреевского района в феврале-марте с.г. умерло от истощения более 30 человек, в большинстве дети...» [22, л. 13–14].

Эти и многие другие трагические последствия краха сельского хозяйства, как и другие разрушительные последствия войны, сохранялись в тяжелой форме и в послевоенный период. Их окончательное преодоление было достигнуто в стране лишь к концу 1940-х гг.

Таким образом, аграрная экономика Сибири в годы войны пережила глубокие драматические перемены. Ее материальная база была значительно подорвана, села, поселки, деревни лишились сотен тысяч своих жителей, многие хозяйства потеряли лучших специалистов. Для мобилизации сил деревни на выполнение боевых заданий сталинское руководство прибегло к тем способам управления, которые использовало ранее в виде усиления уголовно-административных мер в отношении местных исполнителей, а также ввело в действие ряд чрезвычайных законов о труде. Однако эти законы не оказали решающего влияния. Сельское население исполняло повышенные трудовые обязанности не столько под действием правовой угрозы, сколько под влиянием традиционного понимания долга и личной ответственности граждан в трудный период для своей страны и перед теми, кто ушел на фронт. При этих условиях сельское хозяйство смогло продемонстрировать свою адаптивность к чрезвычайной обстановке и способность обеспечивать важнейшие потребности государства в продовольственных и сырьевых товарах.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.
2. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 // История советского крестьянства: в пяти томах. М., 1987.
3. Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945 // Пиррова победа. М., 1995.
4. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993.

5. Анисков В.Т. Война и судьбы российского крестьянства. Вологда ; Ярославль, 1998.
6. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945. История и психология подвига. М., 2003.
7. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
8. Мотревич В.П. Советский трудодень — зарплата «крепостных» колхозников в условиях тоталитарного государства // Аграрный вестник Урала. 2013. № 3 (109).
9. Рыков А.В. Внеэкономическая мотивация колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. № 2(94).
10. Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941–1945. М., 2004. Кн. 2.
11. Гаврилов Н.С. Алтай в Великой Отечественной войне. Барнаул, 1990.
12. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 18. Д. 286.
13. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 181.
14. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 184.
15. ГАО. Ф. Р-1199. Оп. 1. Д. 18.
16. ГАО. Ф. П-4. Оп. 12. Д. 62.
17. Уголовный Кодекс РСФСР Комментарии / под ред. и с предисловием председателя Верховного суда СССР И.Т. Голякова. М., 1946.
18. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 8. Д. 207.
19. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2014.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 324.
21. ГАО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 125.
22. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66.